

Сонное царство

Яреци Фернандез

Яреци понимала, что ей необходимо поговорить с Тору. Про смерть мамы, про их будущее, которое выглядело даже не туманным, а совершенно непросветным. Она боялась разговаривать с мужем, потому что не хотела, чтобы он расстраивался и считал, что выбрал себе в жены действительно сильно эмоциональную и глупую девчонку, которая всего боится и ничего не знает. Наверное, это была действительно ее проблема, что она не имела ни образования, ни нервов, ни желаний. И, наверное, Тору расстраивался, что выбрал ее. Полюбил. Наверное, его мама была права, говоря, что она еще слишком молода, глупа и наивна. Миссис Мотидзуки сомневалась, что она сможет сделать Тору счастливым. Ей так казалось.

А еще тот случай в горах, после которого Тору неожиданно чуть не изменил ей. До измены дела не дошло, но она боялась, что это может произойти. Она не была уверена, что сможет удержать его. И она боялась, что если они все-таки разведутся, то он заберет Кимико себе. Там ей смогут дать воспитание и образование. Потому что она боялась бороться. Ей было легче отступить и спрятаться в свою раковину, чем бороться. Ей было страшно.

В этот день была пасмурная погода, дул сильный и холодный ветер, и Кимико лежала в кровати с соплями и температурой. Яреци умела врачевать, в соседней комнате временно обитали Сэтоши с Маргаритой, но Яри почему-то не обращалась к Рите, чтобы та смогла вылечить Кимико. Яреци планировала только при необходимости обращаться к врачам. Потому что врачеватели могли все, но не победить смерть.

Она гладила футболку Тору, привезенную очень давно ему из Франции. Воспоминания о том, как он рассазывал о смерти своего отца и говорил, что должен поехать в Японию, накатили на нее, и она вздрогнула. На несколько секунд оставила утюг на футболке, и он ее прожог. Девушка вздрогнула и готова была зареветь. Потому что последнее время у нее ничего не получалось.

Вечпром она сидела на кухне и тупо смотрела на альбомный лист. Она даже нарисовать ничего не может. И вообще, у нее все плохо очень. Она глубоко вздохнула и закрыла глаза.

Тору Мотидзуки

В монастыре Тору нравилось, поскольку здесь он мог забыть о постоянной беготне между университетом, языковым центром и додзе. Да и Яреци, которая последнее время становилась все грустнее и грустнее, могла не сидеть в одиночестве, а пообщаться с кем-нибудь из своих подруг, которых почему-то так и не завела в Пекине. Он никогда не был против общения жены с кем-то еще кроме него самого, полагая, что даже молодые матери вполне могут, выходя из дома, знакомиться с новыми людьми, но у Яри с этим как-то не складывалось. И самым противным было то, что Тору, замечая старательно скрываемое плохое настроение жены, так и не мог добиться от нее какой-то искренности по этому вопросу, так привлекающей его в

самом начале их отношений. Если бы он хотел слышать от своей женщины на любые вопросы "все нормально", то не стал бы в свое время разводиться с Харукой, по стопам которой Яреци неосознанно начинала идти.

Сегодня Тору вернулся с вечерней тренировки достаточно поздно, и, отправившись на поиски девушки, чтобы попросить у нее прощения за задержку, обнаружил Яри на кухне с самым что ни на есть невеселым выражением лица, словно семейная жизнь, да и вообще жизнь доставляла ей истинные страдания. И пусть он догадывался, что она, скорее всего, еще переживала смерть матери, не мог понять одного - почему девушка упорно не хотела поделиться своими переживаниями с ним, замыкаясь в себе и потому превращаясь, скорее, в сожительницу, чем в настоящую жену.

- Яри, что тебя так расстраивает? - негромко спросил Тору, останавливаясь в дверях кухни. Пусть у него самого и были мысли о причинах затянувшейся депрессии, он предпочел бы услышать ее версию и, может быть, пробить тем самым установившуюся между ними стену, постепенно отдаляющую их друг от друга.

Яреци Фернандез

Яреци не знала, сколько прошло времени, но слышался какой-то шорох в коридоре. Потом шаги, и с порога раздался тихий голос Тору. Она вздрогнула и открыла глаза. Посмотрела на пустой лист бумаги и яростно его вырвала. Скомкала и кинула на пол. Она хотела нарисовать хоть что-то, очень хотела, старалась, но не получалось ничего. Даже дерево. Все, что она хотела нарисовать - это портрет своей мамы. Но при мысли об этом у нее на глаза наворачивались слезы. Слезы, от которых он устал, от которых устали все, кто так или иначе знаком с ними и знает о последних событиях. Наверное, действительно надо забыть. И стараться хотя бы улыбаться.

- Нет, ничего, - на автомате произнесла девушка и встала со стула. Обернулась и посмотрела на мужа. Он выглядел уставшим, и она вздохнула.

Ей хотелось уйти. Прогуляться, уйти в горы, перестать быть женой, так как Тору достоин лучшего, уехать к папе. Только папа живет в Японии, и возвращаться ни в Мексику, ни в Испанию не планирует. В Мексике у него никого нет, в Испании его никто не ждет. А что ей делать в Японии? Эта страна будет ей напоминать мужа. Замкнутый порочный круг.

Но Тору ведь тоже страдает. Он не улыбается, грустит и, наверное, тоже не знает, как помочь ей. Она, наверное, сама виновата.

- Я... - Выдавила она из себя. - Можно мне поговорить с тобой? Пожалуйста... - вырвалось у нее. Она не была уверена, что он сейчас захочет говорить с ней. Потому что о чем она может поговорить? Только о больной Кими. А ответ здесь может быть один - надо просто обратиться к врачам. Но она не хотела.

Тору Мотидзуки

Если Тору и надеялся, что на его вопрос Яреци ответит прямо и честно, то его надеждам моментально суждено было разлететься в пыль. Она снова пыталась уйти от ответа, делая вид, что у нее все нормально, и все происходящее ничуть не

выбивается из событий их обычных будней. Хотя, к своему сожалению, Тору пришлось признать, что именно так все и есть. Последнее время в их совместной жизни как раз и царила беспробудная серость, которую он уже устал списывать на последствия смерти дорогого для Яреци человека.

- Ну, как знаешь, - резко сказал Тору, чувствуя, что постепенно начинает закипать. Все это молчание и пустые фразы успели ему порядком надоесть. Но больше его мучило чувство собственного бессилия, вызывающего желание просто прокричаться, вылив весь негатив, что успел накопиться за последнее время. И он уже хотел развернуться и уйти куда-нибудь подальше, в другую комнату, а, может, вообще из этого дома, который начал его душить, как вопрос Яреци заставил его замереть на месте и окинуть жену внимательным взглядом.

- Нужно, - уже спокойнее проговорил он, беря девушку за руку, проводя в гостиную и усаживая на диван, практически сразу присаживаясь рядом. Пока он не знал, что именно хотела сказать ему Яреци, но очень надеялся, что этот разговор сможет прорвать плотину, которую девушка сама и построила, не позволяя своим эмоциям бурными реками разливаться во все стороны, как с ней это нередко происходило раньше.

Яреци Фернандез

Сначала Тору, как ей показалось, хотел уйти. Может быть не навсегда, но уйти из этого дома. Ей еще показалось, что он может забрать Кими, отнести ее в лазарет, чтобы вылечить ребенка. Казалось, что все будет именно так. Потому что она только и умеет, что всегда создавать проблемы на пустом месте. И ничего другого она не сможет делать.

Она устала. Хотя здесь, ей снова казалось, ее бы могли обвинить в безделье, ведь она ничем не была занята. Только сидела с ребенком. Иногда готовила, иногда убиралась. Даже стирала не она сама, а стиральная машинка. И вроде бы жаловаться было не на что, но она чувствовала, что не может. Не может больше так жить.

Но если она расскажет Тору о том, что ее угнетает? Чем он сможет ей помочь? Сможет ли бросить все, хотя бы на время, и уехать в Японию? Просто пожить в стране, где был рожден? Где у него остались мама и братья? Она не была уверена, что он так просто согласится поехать туда, а все остальное не имело смысла.

Тору взял ее за руку и увел в гостиную. Усадил на диван и сел рядом. Она хотела сначала вырвать руку, но потом не стала, внезапно осознав для себя, что эти объятия, которых стало меньше, как ей казалось. Может, это просто казалось ей?

- Я... недавно разговаривала с Ритой, и она сказала, что я должна с тобой поговорить. Ты... мы можем поехать в Токио? Или... у тебя с работой напряжно? Ты... можешь нас с Кими отпустить в Токио, если совсем не хочешь туда? Я соскучилась по папе, - она вслипнула. - И по твоей маме. Мы же сможем поехать туда?

Она замолчала и сжала руку мужа. А потом прижалась к нему.

Тору Мотидзуки

Тору не задавал вопросов, он просто ждал, пока Яреци наберется смелости что-то сказать, напряженно вглядываясь в ее грустное лицо. Он много раз задумывался на тему, что именно делает не так и почему, изо всех сил стараясь для своей семьи, остается плохим мужем, но так и не находил ответа. Возможно, все дело было в молодости Яри и ее неготовности к семейной жизни, но от подобных мыслей легче ему совершенно не становилось. Скорее наоборот, он все больше убеждался в том, что с годами в восприятии девушки ничего не поменяется и нужно срочно искать другие варианты их взаимоотношений, пока семейная жизнь не превратилась в какую-то плохую пародию.

- Работу бросить, как ты понимаешь, я не могу, поэтому предлагаю следующий вариант. - Просьба Яреци хоть и была связана с рядом трудностей, вызвала у Тору некоторое облегчение, поскольку давала им возможность хотя бы с чего-то начать диалог. - Из монастыря мы уедем раньше, чем собирались, и отправимся в Японию. Потом, если ты захочешь задержаться, я улечу в Пекин и вернусь за вами в то время, которое мы оговорим. - Мужчина не сомневался в способности родных позаботиться о Яреци и Кимико и, если девушке это было действительно нужно, был готов отпустить их на время в Японию.

Жена прижалась к нему и Тору уже было собирался ее обнять, как остановился, неожиданно для себя выдохнув то, что терзало его уже не первый месяц.

- Яреци, ты мне не доверяешь? - И, почувствовав, что больше не может сдерживаться, добавил. - Жалеешь, что так рано вышла замуж и стала матерью?

И пусть Тору безумно боялся услышать положительный ответ на свой последний вопрос, оставлять все, как есть, он уже не мог, предпочитая неприятную правду затянувшемуся молчанию.

Яреци Фернандез

Как она и ожидала, поехать с ней в Японию он не хотел. Он не хотел туда возвращаться, и это нужно было просто принять и отпустить. И было бы, наверное, проще это сделать, если бы не было у неё там папы. Если бы папа работал в Китае, да в любой другой стране, то, наверняка, можно было бы что-то придумать. А так, из-за того, что её папа работает в Токио, не было никакого выхода часто видаться с ним. Под словом "часто" подразумевается если не всегда, то большую часть времени. Вот как, например, это было, когда папа работал в Китае. Она иногда с ним встречалась, она могла отдать ему Кими на воспитание и пойти куда-то с мужем гулять. Она просто могла с ним по телефону разговаривать. А сейчас она не может ни отдать Кимико, ни поговорить по телефону. Потому что некому в Пекине отдавать ребёнка, а международные звонки очень дорогие. Яреци и так старается мало тратить, не ходить по салонам, покупать дорогую одежду и прочие мелочи, которые хоть как-то могут поднять настроение.

- Но... вернуться ты не можешь туда? Почему ты не можешь просто вернуться в свой дом? Тору, то, что ты поссорился со своим бывшим тестем, не причина. Я... хочу, чтобы мы были счастливы, чтобы у нас была возможность часто созваниваться с нашими родными. Я... - она вздохнула и опустила голову. Хотела выдернуть руку, но

не стала.

Она вдруг почувствовала, что снова напомнила Тору о непростых отношениях с когда-то близким ему человеком. То, что у него могли быть изначально плохие отношения с родными его первой жены, девушке как-то не пришло в голову. Она вообще не представляла, что все могут жить злыми и ненавидеть друг друга. Но, наверное, она просто была глупой идиоткой. Наивной дурочкой.

Когда Тору задал свой вопрос, она вздрогнула и закусила губу.

- Я... доверяю тебе, да. Но... нет, я не жалею, я просто не могу привыкнуть к этому. Я... да, это слишком всё равно случилось, и я боюсь. Боюсь, что ты меня можешь бросить. Боюсь, что... сделаю что-то не так или скажу что-то. Я... недавно сожгла твою футболку, которую привезла тебе из Франции. Прости меня, - она не смогла сдержать слезы и снова заплакала. Выдернула свою руку из его и закрыла лицо руками.

Тору Мотидзуки

Хождение вокруг да около его возвращения в Японию успело Тору изрядно вымотать. Он уже объяснял, почему не может найти там нормальную работу по своей специальности. А перебиваться, довольствуясь мелкими непостоянными заработками или унижаться перед бывшем тестем ему не позволяла гордость, переступив через которую, он, вероятно, просто перестал быть самим собой.

- Яреци, - его голос звучал глухо, - я не против летать в Японию и навещать твоего отца, но там уже давно не мой дом. Я никогда не был особенно близок со своими родными и при встрече нам особенно и поговорить не о чем, поэтому мне вполне хватило бы видеть их пару раз в год. - Упоминание бывшего тестя заставило Тору скривиться. - Я не просто поссорился с этим человеком, я его предал и, тем самым, похоронил все его надежды и мечты. Дело даже не в том, что я развелся с Харукой, а том, что он поставил на меня слишком много и проиграл.

Тору не горел желанием возвращаться к проблемам прошлого, особенно если сейчас его больше волновало настоящее. В Китае он успел заработать себе репутацию и обрести связи, а в Японии он если и мог к кому обратиться, так к старому приятелю, если его вообще можно было так назвать, который присылал ему материалы о последних археологических находках и ряде еще неопубликованных исследованиях.

- Это как раз и называется не доверять, - покачал головой Тору, не находя в словах девушки ничего утешительного. - Если ты ждешь, что я тебя брошу после всего, что было, значит, совершенно не понимаешь меня и не хочешь в меня верить.

Информацию о футболке Тору просто пропустил мимо ушей. Сейчас его волновали более важные вопросы, чем какая-то тряпка из-за которой или частично из-за которой Яреци принялась реветь. Но на этот раз не стал ее успокаивать, прекрасно помня, что чем-то подобным, а, точнее ничем, заканчивается большинство их разговоров.

Яреци Фернандез

От его слов стало больно, и она еще раз всхлипнула и отняла руки от лица. Посмотрела на мужа. Ей казалось, что он просто не хочет, чтобы она куда-то ехала. Ей нужно забыть обо всем и обо всех, остаться в Пекине и выполнять работу по дому. Наверное, действительно она слишком много хочет. И, наверное, она действительно не понимает. Но ведь это неправильно, созваниваться с родителями пару раз в год. А может, неправильно то, как она поступает? Может, на самом деле нужно плюнуть на папу, не думать о нем и жить своей жизнью, которая становится невыносимой? Может, и не надо думать о папе. И вообще.

- Что же, я тебя поняла. Ты не хочешь возвращаться туда. Я не буду больше об этом напоминать. Я вообще не буду тебе напоминать о том, что самые близкие тебе люди живут в той стране, о которой ты хочешь забыть. Я жалею о том, что тогда поехала с тобой в Японию, когда умер твой папа. Я не знаю, о чем с тобой еще поговорить. Я постараюсь принять тебя.

Голос дрожал, но она старалась делать его холодным. Высказавшись, она встала с дивана и отправилась на кухню. Она вспомнила его знакомство с папой, вспомнила, как ей пришлось знакомиться с его мамой. Она бросила все и поехала с ним в Японию, чтобы он смог попрощаться с отцом, с которым никогда не был близок, а последние годы вообще не разговаривал. Когда умерла ее мама, с которой она была раньше близка, Тору не смог поехать. Он даже отпустил ее на несколько дней, и она не смогла быть на похоронах. Она чувствовала, что они оба что-то делают не так, но она не знала, как правильно. Зачем она вообще влюбилась в Тору?

Оказавшись на кухне, она налила с стакан воду и выпила ее.

- Я не жду, что ты меня бросишь, а боюсь, чтт это произойдет. Это разные вещи. Я не знаю, что мне делать, чтобы у нас были мир и согласие. Я хочу поступить в институт, учиться, но возможно ли это? Как я буду учиться, если Кимико не будет ходить в садик? Сколько мне надо ждать, чтобы она пошла в садик? - громко сказала она и швырнула стакан в стену. - Я ненавижу. Ненавижу.

Голос сорвался на крик, а потом она взяла тарелку и кинула ее на пол...

Тору Мотидзуки

- Ты меня вообще слышала? - срывающимся голосом спросил Тору. Как всегда Яреци перевернула все его слова так, как считала нужным и услышала только то, что хотела. А точнее, что он не дает ей жизни и все запрещает, совершенно забывая о том, что он, как глава семьи должен думать не только о своих или ее желаниях, но и об общем благополучии семьи. Это пока он был один, мог мотаться сколько хотел и куда хотел, а теперь ему приходилось жить так, как живут взрослые ответственные люди, пусть он и сам предпочел бы большую часть времени проводить в монастыре, где ему было легко и комфортно, а не болтаться между своими работами.

- Не нужны мне твои старания, - Тору почувствовал, как на него навалилась дикая усталость. За все то время, что он провел вместе с Яреци, ему постоянно приходилось сдерживаться, терпеть, стараться быть мудрее и прощать взбалмошные поступки. Но, наверное, все когда-нибудь заканчивается. Вот и его

резерв за последние месяцы окончательно истощился и подошел к концу. - Какой в этом смысл. Ты все равно будешь недовольна, только потому, что не все возвращается вокруг тебя и твоих желаний, половину из которых ты даже толком озвучить не можешь. Или я должен читать твои мысли?

Слова о том, что она жалеет о поездке в Японию, стали для Тору прекрасным ответом на заданный вопрос. Конечно, она жалела, в очередной раз отказываясь от их отношений и перечеркивая все хорошее, что было за последние несколько лет. И от этого становилось настолько тяжело, что единственным осознаваемым желанием являлось желание разорвать себе горло, чтобы хоть как-то избавиться от сдавливающей его боли.

Яреци подорвалась и ушла на кухню, оставляя ему слышать разговор девушки с самой с собой, показывающий, что она не только не понимает его чувства, но даже и не пытается этого сделать, додумывая и достраивая все каким-то совершенно диким способом.

- Истеричка, - сквозь зубы процедил Тору, заходя на кухню, и глядя на разбитую тарелку. - Кто тебе не дает отдать Кимико в сад и пойти учиться? Ты хоть что-нибудь для этого сделала или намного приятнее сидеть и целыми днями думать о том, какая ты несчастная, и как тебе тяжело жить с мужем? Ты как ребенок, который очень хотел щенка, а получив, понял, что с ним нужно не только играть, но и кормить его и за ним ухаживать, а это отнимает время и силы. Вот только я не щенок, а взрослый мужчина...

Высказавшись, Тору тяжело выдохнул, а затем развернулся и пошел по направлению к выходу. Пока он очень плохо понимал, куда хочет пойти и зачем, но просто не мог сидеть дома и слушать этот бесконечный плач, от которого на душе становилось все тяжелее и тяжелее.

Яреци Фернандез

- Да, я ребёнок. Ребёнок, которому пришлось слишком рано стать взрослой. Ребёнок, у которого из-за беременности порвались отношения с матерью. Я ребёнок, который ничерта не понимает во взрослой жизни. Я клялась, Тору, клялась, что буду всегда оберегать тебя, любить и никогда не брошу. Я боюсь нарушить клятву и пойти по стопам матери, но я не знаю, любимый, я не знаю, как мне это сделать. Я только всё разрушаю...

Она взяла ещё одну тарелку и собралась уронить на пол, чтобы та разлетелась на осколки, но остановилась. Вздрыгнула и осторожно поставила её на стол. Потом посмотрела на мужа, который стоял к ней спиной около входной двери.

- Тору... - прошептала она, - не уходи...

Но это шептание он вряд ли услышит. Ей показалось, что если он сейчас переступит порог дома, то больше никогда не вернётся сюда. Она вдруг осознала, что всё идёт к разводу, и если это случится, то она не будет не нужна никому. Тору никогда не простит её, его родственники если не заберут Кимико, то отрекутся от неё. Но скорее всего они заберут Кимико, потому что в ней течёт кровь Мотидзуки. Она не

будет сопротивляться. Папа никогда не простит её за это и не будет ей ничем помогать. Ей захотелось вдруг резко посмотреть свою судьбу, но и без прорицаний было понятно, что при таком раскладе она не сможет выжить. Либо она будет работать кассиром в магазине и влачить жалкое существование.

- Я не хочу... - Вздрыгнула она. - Тору, подожди!

Она подбежала к мужу и обняла его. Прижалась к его спине, а руки положила на его грудь. Почувствовала, как бьётся сердце. Громко, быстро. Она закрыла глаза и вздохнула.

- Я не могу так больше. Мне страшно, очень. Я как будто снова тебя могу потерять. Навсегда, безвозвратно. Я... помоги мне, прошу тебя. Я... действительно хочу учиться, я когда-то выбрала себе институт, но там дорого. Я не стала тебе ничего говорить, потому что боялась, что из-за меня ты ещё интенсивнее начнёшь работать, будешь сильнее уставать.

Она замолчала и сильнее прижалась к нему. Её сердце стучало как ненормальное, но и его билось очень быстро. Одной рукой она нащупала его руку и сильно и крепко сжала.

Тору Мотидзуки

Около входной двери Тору ненадолго замер, скользя взглядом по полу в поиске своих ботинок. Казалось, он оставлял их у самого порога, но, каким-то непостижимым образом, они перебрались в другое место, словно жили своей собственной жизнью. И за это недолгое время, потраченное на поиск непокорной обуви, что-то изменилось, пусть сам он толком и не мог понять, что именно.

В какой-то момент Яреци подбежала и обняла его сзади, кладя руки на его грудь, и если в первую минуту Тору хотел резко дернуться, разрывая объятия, то потом просто застыл на месте, позволяя девушке сказать все, что она посчитает нужным и очень надеясь, что вместо обычных слез и извинений он услышит то, что даст ему повод остаться.

- Яреци, - негромко начал мужчина, когда та закончила со своими откровениями. - Чтобы я мог тебе помочь, помоги и ты мне. Не нужно видеть во мне строгого папочку, который тебя содержит, а потому диктует свои правила. Я на тебе женился, а не удочерил тебя. Говори со мной, как со своим мужем и партнером. Если у тебя есть какая-то идея или предложение, мы вполне можем это обсудить. Да, это не дает гарантии, что я с тобой соглашусь, но в любом случае я сделаю все, чтобы учесть твои интересы.

Тору замолчал, так и не найдя в себе сил повернуться и посмотреть Яреци в глаза, но вырывать свою руку, за которую уцепилась девушка, не стал, показывая, что готов ее слушать, если она не передумает и выразит готовность искать компромиссы.

Яреци Фернандес

Он не назвал ее "любимой", и в какой-то момент сердце защемило. Может быть, все

это и есть детство, из которого она не смогла выбраться? Может, взрослые люди не говорят всякие там "любимая", "люблю" и прочие слова? Он назвал ее по имени, не назвал любимой. Может, просто это так надо?

А еще он не повернулся к ней, но руку не выдернул. Она вздохнула и сама убрала свою руку с его, а потом убрала вторую руку от его груди. Отстранилась от него.

- Я... понимаю... - сказала она. - Нет, я не понимаю. Я ничего не понимаю. Но я понимаю, что если ты уйдешь, то я... мне будет очень больно. В этом будет только моя вина. Я не вижу в тебе, как ты выразился, папочку, я не за папочку выходила замуж, а за Тору Мотидзуки. За любимого мужа, который...

Который что? Он обеспечивает ее, она живет в нормальных условиях, он заботится о них с Кимики. Хотя, наверное, действительно, забота - это детство. Взрослые люди не заботятся друг о друге.

- Тору, лю... - она осеклась. - Хорошо, пусть не институт, но я могу пойти работать. В клубе, куда Кими ходит, я могу обучать детей рисованию или каллиграфии. - Она обошла его и встала напротив него. Посмотрела в его глаза и взяла его лицо в свои ладони. Потянулась, чтобы поцеловать.

Тору Мотидзуки

Слушая, как Яреци снова все переворачивает, делая из его слов какие-то странные выводы, Тору обреченно вздохнул. В этом была одна из ее самых печальных особенностей - находить в нейтральных вещах что-то совершенно невообразимое, позволяющее чувствовать себя несчастной и никем не понимаемой.

- Яри, я не против твоего поступления в какой-то институт. - Даже говоря прямо, Тору не был уверен, что девушка поймет его правильно. - Наоборот, я хочу, чтобы ты определилась с тем, чем хочешь заниматься и получила профессию. Я никогда не собирался делать из тебя домохозяйку. Я предлагаю тебе просто все обсуждать и принимать самые важные решения вместе.

Раз он сам не собирался оборачиваться, Яреци его обошла и встала напротив, чтобы иметь возможность встретиться с ним взглядом. Но на этот раз Тору был к этому готов, не став ее останавливать ровно до того момента, как девушка потянулась, чтобы его поцеловать. Ответным жестом взяв лицо девушки в свои ладони, он немного ее притормозил, не давая губам соприкоснуться и для начала пытаясь в глубине глаз Яреци найти ответы на беспокоящие его вопросы. Он хотел видеть, что все сказанные сегодня слова - не набор пустых звуков, и на этом разговоре их попытки найти точки соприкосновения не закончатся, но так и не мог ничего толком понять, а потому опять обреченно вздохнул и, немного наклонившись, позволил поцелую случиться.

Яреци Фернандез

- Я что-то делаю не так? - Расстроено спросила девушка, когда Тору некоторое время смотрел на неё. - Я сказала тебе, что я хочу поступить в институт. Я смотрела, ещё давно, по моей специальности, я в России училась на факультете истории искусств, есть в Пекине и в Токио. В Токио дешевле, и там есть даже

дистанционное обучение. То есть ездить туда не надо, только два раза на сессию. А в Пекинском университете только вечернее. Я потом могу работать в музее, быть экскурсоводом. Читать лекции в институте. Я буду учиться в Пекинском университете вечерами, а днём работать. Я... позволь мне, пожалуйста, это делать. Ведь я у тебя никогда ничего не просила. Только... я даже согласна потерпеть ещё несколько лет и не ехать к тебе домой, если будет очень напряжно.

Она замолчала и посмотрела на него, а потом всё-таки поцеловала. В этом поцелуе, кажется, простом, была вся нежность, боль, страхи и любовь. Поцеловав Тору, она снова посмотрела на него.

- Ты... ты же не уйдёшь? Пожалуйста, не уходи. Я... люблю тебя. Очень сильно. И... я больше не буду плакать. Никогда не буду плакать.

Она стёрла с щёк остатки слёз и опустила голову, прикусив губу.

Тору Мотидзуки

Казалось, Яреци так до конца его и не поняла, но, по крайней мере, она начала говорить, высказывая свои желания, над которыми им следовало как следует подумать. Девушка как всегда хотела всего и сразу, не рассчитывая, что одновременно учиться, работать и воспитывать маленького ребенка - это адский труд, от которого она впадет в депрессию еще быстрее, чем от своей нынешней жизни, поэтому постарался аккуратно вернуть ее к реальности.

- Давай сделаем так, - начал он, пытаясь найти наиболее адекватный вариант действий. - Для начала ты точно определись, куда будешь поступать, какие там условия и что для этого надо. С работой горячиться не стоит, сначала посмотрим, сколько времени и сил у тебя будет отнимать учеба. Что же касается Японии, можно сделать, как я и предлагал - уехать раньше из монастыря и навестить твоего отца и моих родных.

Пожалуй, это был максимум, который он из себя мог выдать на данный момент с учетом ситуации. Ему все еще хотелось выйти из дома, чтобы просто немного продышаться и прийти в себя, но, понимая, как на подобный поступокотреагирует Яреци, Тору старался сохранять внешнее спокойствие, не делать резких движений и вести себя настолько рационально, насколько это было возможно.

- Я не уйду, - тихо ответил Тору и, чтобы подтвердить свои слова, отошел от двери и увел девушку за собой. - Я никогда тебя не бросал и бросать не собираюсь. Надеюсь, ты это поймешь.

Чувствуя, что со словами, большинство из которых в своем эмоциональном состоянии Яреци могла и не понять, перебарщивать не стоит, Тору решил закончить тем, что просто прижал девушку к себе, принявшись успокаивающе поглаживать ее по голове, как делал уже, наверное, тысячу раз до этого.

Яреци Фернандез

Она молча выслушала Тору и неожиданно для себя расплылась в улыбке. Посмотрела на него и кивнула. Кажется, поговорив на волнующие её темы и придя к

какому-то решению, ей стало намного лучше. Наверное, надо просто поговорить, обсудить что-то. И тогда действительно будет правильнее. И, наверное, они не будут ссориться. Она виновата была, что не разговаривала с ним, она виновата, что не знала, как поступать правильно, чтобы хоть как-то наладить отношения. Но сейчас она что-то поняла.

- Я посмотрю обязательно, что можно сделать с институтом, - ответила девушка, улыбнувшись. - И... да, давай съездим в Японию, я очень хочу навестить своего папу. Он, наверное, очень скучает по маме. Ему, наверное, тяжело, - она на секунду вздохнула, вспомнив маму, но мотнула головой. Она обещала Тору, что не будет плакать.

Он её отвёл от двери и крепко обнял. Она тоже его обняла и подняла голову. Заглянула в его глаза и поцеловала в нос.

- Прости меня за эту истерику, но... мне, наверное, стало легче. Я... может, пойдём прогуляемся?

Она замолчала и нежно улыбнулась.

Тору Мотидзуки

Его слова смогли успокоить Яреци и даже вызвать у нее искреннюю улыбку, которую он не видел у жены уже достаточно давно. А, значит, его старания были не напрасны, пусть на этот раз сдержать часть своих эмоций, так и просящуюся наружу, было очень и очень нелегко.

- Хорошо, так и сделаем, - Яреци не стала спорить с его планом действий, и Тору позволил себе немного расслабиться, понимая, что самые "горячие" моменты сегодняшнего вечера остались позади. В принципе, отправить девушку учиться можно было и раньше, но она молчала, а ему самому хватало дел, чтобы еще забивать себе голову и ее невысказанными желаниями. И сейчас он очень надеялся, что, сделав правильные выводы, Яреци начнет говорить с ним так, как и положено обладающему речью человеку, не надеясь на его способность читать ее мысли.

- Раз Кимико спит, - с учетом царящей в доме тишины Тору в этом не сомневался, - можно немного и подышать воздухом. Естественно, оставлять ребенка надолго одного, он не собирался, а вот сделать круг вокруг дома - это казалось ему весьма неплохим вариантом, который они с Яреци и принялись воплощать в жизнь, закрывая тему возможных расставаний и нащупывая новую дорогу, по которой хотелось бы идти им обоим.
